

С бывалым охотником Ильёй Лукиным познакомились на охотничьем стане озера Печенкуль. Озеро мелкое, богатое карасём, его по-хозяйски освоили серые морские чайки, следом бакланы и вальяжные пеликаны!

– Скажи на милость, кто подсказал птицам, что наши озёра – бесплатный ресторан? Или оскудели морские просторы? – спросил незнакомец, услышав за спиной шаги и продолжая конопатить лодку.

– Очевидно, сарафанное радио работает! – ответил я.

Мы рассмеялись, пожали друг другу руки, так и познакомились.

Угасал бархатный день августа. Смолкли кличи журавлей, трели жаворонков, щебетание ласточек, гвалт грачей. Долго, до густой ночи сидели под крышей навеса среди сохнувших берёзовых веников. Рваная туча на звёздном небе сложилась в силуэт акулы с зубастой пастью. И в эту пасть, как кролик под взглядом удава, вкатился молочный диск луны. Пасть сомкнулась, и погасла серебряная люстра.

Точку на голодном детстве Илюшки с мечтой о скорой победе и куске хлеба поставил вернувшийся с войны отец, на удивление быстро заскучавший по охотничьей зорьке. Живот поджал от бескормицы: захотелось мужику мясного блюда из дичи.

– Не надоели на войне ружья-то? – спрашивала матушка, терпеливо ожидавшая мужа долгих три года.

В первый послевоенный год отец справил сыну ружьё: то была тулка-одностволка с длинным стволом.

– Фузея, да и только! – восклицал отец. Лицо мальчишки светилось от счастья, он жил предвкушением праздника.

Вернулись товарищи отца, охотники с довоенным стажем, почти поголовно инвалиды. Постреляли на полевым стенде и только тогда стали го-

товиться к осеннему сезону. Осаживали на плёсах вместительные бочки, маскировали, строя скрады: часть добытой птицы полагалось сдавать в артель. Подросток в пыль разносил летящие тарелочки, стреляя по первому взрослому, но случилась беда.

Поступив после семилетки в горный техникум, студент Илья Лукин с первой шахтёрской практики купил трофейный велосипед «Симсон». Волшебство колеса, скорость – о том лишь мечталось, но явь превзошла ожидания. Рано поутру, приезжая на озеро, забирал у отца птицу, рыбу, привозил на базар матери и успевал в техникум. Друзья крутили педали «мифов» и «диамантов», всех тянуло в путешествие.

Стелется дорога в легендарную Магнитку. Комсомольский велопробег, миновав золотой городок Пласт, приближался к хлебному селу Уйскому. На песчаном спуске – только ветер в ушах, и вдруг обломилась вилка переднего колеса. На войне вилку трофейного велосипеда, очевидно, чиркнули пуля или осколок, но факт казался малозначимым.

Падение было жутким. Илья наткнулся на корявый сук придорожного куста. Когда пришёл в себя, не сразу понял: правый глаз, тот самый, которым целятся охотники, если они не левши, вытек. Раненные тяжкое, даром что не воевал.

В больницу Уйского доставили на телеге. Лошадку, видя, как тает на глазах мальчишка, погонял дед с перебинтованной ногой, правящий туда же, в районную больницу. Из областного центра прилетел самолёт и взял раненого юношу на борт.

Магнитку покорили без друга, а вот Сталинград (через год) – уже с неугомонным Илюшкой Лукиным. Ровно столько он не садился на велосипед и не держал в руках ружьё. Какой из него стрелок без правого, прицельного глаза?

Осенью друзья пригласили на зорьку, отведя Илье роль кашевара. Хлопоча у костра, парнишка насчитал пяток выстрелов. Или утка моталась

вяло, или стрелки такие: за всё утро добыли одного чирка.

– Теперь вы варите кашу! – решительно сказал он, стягивая ружьё с плеча друга. Шагая к плёсу, спиной ощущал сочувственные взгляды.

В груди колотилось сердце, ходуном ходили руки. У кромки плёса потоптался, успокоился и первым же выстрелом уверенно срезал стремительно пролетавшего над головой селезня соксана. После звучного дуплета к ногам упала тяжёлая птица. Илья торжествовал победу, радуясь, наверное, не меньше отца, оставившего автограф на стене Рейхстага.

– Охота – игра с судьбой, – вспоминал бывалый охотник Илья Петрович. – Всё-то тут опасно: ружьё, вода, лодка, трясина, погода. Вскоре после войны отец с товарищами неделю из озера не вылезали, с вертолёта выстреливали мужиков, не вернувшихся на стан в предзимнюю замять.

Такое редко, но случается: чистое небо неожиданно обнесёт тучами, заметёт, запуржит, поднимет ветер суровую волну. В разыгравшийся шторм на берег не вышли шестеро охотников. Когда хоронили, над обелисками двоих, прошедших войну, прозвучал троекратный ружейный салют.

– Расскажу, как на одной охоте и тонул, и горел! Упросил отца отпустить в озеро на ночь. Лодка добрая, с навесом, вёсельная. Одна из первых на озере вёсельная. Прежде-то, до большой воды, всё на шестах ходили. Уложил под навес одеяло, подушку, отец настоял взять на борт валенки. Ночи стояли холодные.

На вечерней заре хорошо шла морская чернеть. По всем статьям удалась охота. Уснул быстро, а ночью разбудили непонятные таинственные шаги. Казалось, кто-то бродит по мелкой воде. Шаг, второй – и тишина. Затем звук повторялся. Напряжным было волнение: то цапля гуляла. Остаток ночи спал в полудрёме: приняв лодку за курень, о борт настойчиво скреблась ондатра, мешая забыться в крепком сне.

Утро разбудило порывистым ветром со снежной круговертью. Вот так дела! У нас завсегда так-то: весну сменяет малоснежное лето. Июнь не лето, август уже не лето. А стоял октябрь. В предзимье снежная замять, как гостья незваная, приходит без приглашения.

Следует править к берегу, до отцовской землянки без малого верста. Стал выгребать на волну, а она молотит в борт, крутит тяжёлую лодку. Небо, воду, камыш сотрясают снежные залпы, ветер только что не воеет, злится крепко, стегая тугими струями со стороны немецкой заимки. Там берег, туда править.

Осталось рукой подать, но выбился из сил: руки онемели, лодку сносит на грязь. Для птицы терри-

тория покоя – для человека мёртвая зона. Вязкая отшель засосёт днище, на грязи и останешься. Ночь долгая, до утра закоченеешь или совсем дашь дуба. Отдышавшись, решил оттолкнуться шестом, но на нём и остался. В горячке не я его из грязи, а он меня из лодки выдернул.

Мама дорогая! Няша по колено, вода по грудь, лодка убегает. Сгинул бы наверняка, не догнать мне лодку, да повезло, уткнулась она в остров-пльвун, закорилась. Гуляет в бурю лабза, не доглядишь – соберет сети, унесёт вместе с рыбой. Вот лабза-то и выручила. Ни живой ни мертвый, грудь ходуном, до лодки добрёл и на борт поднялся. И до берега всё же дошёл! Отец, проклиная свою беспечность, сильно волновался.

Мужики сняли с меня мокрую одежду. Растёрли озябшее тело водкой и уложили на топчан, поближе к печке-буржуйке. Одеялом укутали, поверх овчиной полостью накрыли. Верх землянки жердями забран, по бокам камышовые маты. До того тепло и уютно, что веки сомкнулись сами собой.

Слышу сквозь сон: «Паренёк, ты горишь!» Очнулся, сел на топчане, а жерди на потолке потрескивают, огнём занялись. Подростки-пастушата с немецкой заимки всё тычут в оконце шестом: «Просыпайся, не то сгоришь!»

Первым делом выбросил из землянки ружьё и порох. Не смотри, что войну выиграли, охотничий порох был в дефиците, стреляли толчёным бикфордовым шнуром. Получался порох чёрным и злым. Шнура хранилось метров с полста. И беречь боезапас полагалось пуще глаза. Едва успел выбросить из землянки амуницию, ружья, мешки с чучелами – пылающая крыша рухнула! Господи, опять остался в трусах, в майке, босиком – всё сгорело вместе с землянкой. Тут подоспели мужики. И снова мяли моё тело, изучали, нет ли где ожогов.

Переусердствовали мужики. Загрузили печь сухими дровишками. Не тревожа моего сна, ушли в лесок за хворостом. Если бы не пастушата-немцы...

Отец мой хват, но и он дрогнул. Долго смотрел на догоравшую землянку, на скрутку бикфордова шнура, на спасённые ружья, на меня, куцего. Тогда показалось, в глазах его блеснули слёзы. Изучая меня ровно экспонат, стояли друзья-охотники отца.

– Ну, Пётр, – удивлялись мужики, – сын у тебя как есть заговорённый. И в воде не тонет, и в огне не горит!

С насиженного места нас согнали полчища комаров, поднявшихся к полуночи с охлаждённых росой лугов. Взволнованный общением с близким по духу человеком, я забылся только под утро, когда робкий ветерок закрутил лопасти ветряка, монотонно зажурчавшего робкой песней сверчка.